

Конфликт партийных и хозяйственных органов как фактор кадровой политики в СССР в начале 30-г. XX в.

Партия большевиков, взяв власть в октябре 1917 г., столкнулась с необходимостью решения целого комплекса первоочередных государственных и народно-хозяйственных задач. Все вопросы приходилось решать на фоне гражданской войны, разрухи, голода. Сюда следует отнести скрытый, а местами и явный, саботаж чиновников бывшей царской власти, привлеченных для выполнения определенных управленческих задач. Кадровый голод ощущался во всех сферах жизни молодой Советской республики. К 1922 г. партии большевиков под руководством В. И. Ленина в значительной мере удается купировать наиболее опасные вызовы и приступить к строительству нового государства, одной из важнейших задач в котором была подготовка управленческих кадров.

В начале тридцатых годов СССР начинает индустриализацию и модернизацию всего народного хозяйства. Эти годы вошли в историю страны бурными темпами развития. Массовый приток населения в города позволил решить проблему нехватки рабочих рук. Так на постоянное место жительства из деревень на Урале в города и рабочие поселки прибыло на постоянное место жительства в 1927 году – 26 тысяч человек, в 1928 – 29,3 тысячи человек, в 1929 году – 39,4 тысячи человек, в 1930 году – 46,7 тысячи человек[1]. В дальнейшем поток только нарастал. Но ситуация с высококвалифицированными кадрами во всех сферах жизни оставалась сложной. Это касается как рабочих специальностей, так и инженерно-технических кадров, включая высшее руководство предприятий.

Согласно решениям партии и правительства СССР, в первом пятилетнем плане народно хозяйственного строительства на Урале планировалось создание так называемой «срединной индустриальной базы Союза»[2]. Данный проект предусматривал строительство второго основного угольно-металлургического

центра страны, что позволило бы использовать крупнейшие угольные и рудные месторождения Урала и Сибири [3]. Также внимание уделялось созданию машиностроительной базы «Большого Урала», поскольку без развития этой отрасли невозможными были преобразования всех остальных отраслей народного хозяйства. Кроме того, это позволяло добиться в короткие сроки технико-экономической независимости страны. Наряду с созданием таких гигантов промышленности как Челябинский тракторный Завод и Магнитогорский металлургический комбинат, определенное значение придавалось и старым заводам горнозаводской зоны Урала. Некоторые металлургические заводы, остановленные по разным причинам после революционных событий, меняют профиль и становятся машиностроительными предприятиями, на базе старых цехов и достаточно образованных рабочих кадров. К их числу относится, например, Кыштымский машиностроительный завод имени М.И. Калинина.

Основанный в 1757 г. Никитой Демидовым завод производил качественную продукцию. Марка «Два соболя» завоевала мировое признание. В годы революции и гражданской войны завод был разрушен, оборудование и имущество разграблено белогвардейцами. Завод, как металлургическое предприятие прекратил существование в 1918 году [4]. И только в июле 1930 года механическая мастерская Карабашского медеплавильного завода выделяется в самостоятельное предприятие – Кыштымский механический завод в системе «Цветметзолото». Так, железоделательный завод превратился в машиностроительное предприятие.

При решении задач, стоящих перед страной, партийный и хозяйственный аппарат работали как единое целое, исполняя решения партии и правительства. Однако и на городском, и районном уровне случались ситуации, в которых каждый из этих органов стремился гнуть свою линию. Как правило, не были связаны с регулированием стратегических вопросов. Рассмотрим для примера события на том же Кыштымском машзаводе.

В августе 1932 г. директором Кыштымского механического завода был назначен Калистрат Самуилович Шинкевич, родившийся в сентябре 1899 г. К моменту вступления в должность ему исполнилось тридцать три года. Новое время порождало новые кадры, благодаря которым удалось провести индустриализацию страны. Биография молодого директора была типичной для руководителей того времени. Он ушел добровольцем в партизанский отряд, участвовал в боях на реке Березине. В 1919 г. был схвачен польской дефензивой. Сумел выбраться из застенков, вступил в ряды Красной Армии. Был представлен к награде, но в документах не указывается, что он ее получил. Как демобилизованный красноармеец получил единовременное пособие по постановлению СНК от 5августа 1920 г. в размере 3600 рублей. Переехал в Москву, где в 1924 г. вступил в партию. В его личном деле написано, что образование низшее, хотя в следующей строке документа говорится об окончании семилетней школы, а затем и Мосгубпартшколы, где он учился в 1924-26 гг. по специальности – Парработник.

После окончания партшколы Калистрат Самуилович делает успешную карьеру. Еще в 1923 г. он простой рабочий – солодовщик Трехгорного пивоваренного завода Моссельпрома, а уже в 1925-27 гг. предзавкома этого завода. В 1927-29 гг. член президиума и член ревкомиссии МГСПС. В 1929 г. перевелся на Северный Кавказ, в город Орджоникидзе на завод «Севкавцинк», где с 1930 г. – секретарь парткома, а в 1931 году возглавил предприятие [5].

В 1932 г. получает назначение на должность директора Кыштымского механического завода, где включается в работу по реконструкции предприятия, подготовке кадров, освоению производства новых для предприятия горных машин. Далеко не получалось сразу. К новичку присматривался весь город, внимательно следил за каждым его шагом. Не все были в восторге от нового руководства завода. Сохранился обзорный доклад секретаря РК в котором указывается на следующие недостатки руководителя: «Директор Мехзавода Шинкевич, не считаясь с целесообразностью, вызывает с Северного Кавказа старых друзей на ответственные должности. Всего им было вызвано

шестнадцать человек. В общем, обставил себя кругом, этим самым дает возможность заниматься самоснабжением и разбазаривать государственные средства» [6]. Необходимо отметить, что определенный смысл в таких претензиях был. Вызванные Шинкевичем товарищи, мягко говоря, не пользовались в коллективе авторитетом, мало того, разлагали дисциплину. Но поскольку завод успешно работал, набирал обороты, вышеуказанные доклады лишь принимались к сведению. Кроме того, руководство учитывало тот факт, что сложно требовать чисто житейской мудрости у тридцати трех летнего человека, пусть даже и директора крупного предприятия. Не проходит и года, как над головой Шинкевича сгущаются тучи, хотя предприятие по-прежнему работало хорошо, о чем свидетельствует динамика роста производства, характеризующаяся следующими данными (в процентах): 1932 – 100%; 1933 – 109%; 1934 – 141%; 1935 – 185,5%.

Проблема возникла неожиданно. В конце августа 1933 г. Кыштымское бюро РК партии принимает приложение к протоколу №77 от 27августа 1933 г., в котором говорится о троцкистской вылазке директора литейно-механического завода Шинкевича. Именно здесь произошло столкновение интересов между хозяйственным аппаратом треста «Цветметзолото», и Уралобкомом ВКП(б). Обком требует от директора Шинкевича как члена партии выполнения заказов на дражные части, а трест дает указание о сворачивании данного производства и переходе на выпуск горной техники, которая была новым направлением деятельности предприятия. С позиции сегодняшнего дня Калистрат Самуилович поступает вполне логично: он выполняет установку треста и дает распоряжение в цехи о сворачивании работ по дражным частям. Секретарь райкома Лысенко пытается добиться выполнения решения Уралобкома, но Шинкевич настаивает на выполнении приказа треста.

Подобная самостоятельность дорого ему обошлась. На заседании бюро РК 7 августа 1933 г. он пылу полемики бросает следующую реплику: «Самокритика сверху, есть самокритика бюрократическая». Эта фраза была признана товарищами троцкистской. Несмотря на то, что бюро предпринимало

попытки признать выступление Шинкевича по данному вопросу неправильным, это не увенчалось успехом. Директор стоял на своем, заявляя, что невыполнение решения обкома обусловлено сознанием необходимости соблюдения единоначалия, поскольку именно такой выбор диктовался ему распоряжением треста [7].

Необходимо отметить, что ход данных событий не так однозначен, как и в любом подобном конфликте. М. Миронова в личном письме сообщает т. Маркусу, что по приезде в Кыштым она столкнулась с недружелюбным отношением. Будучи мобилизованной в РКК г. Кыштыма, она была свидетельницей конфликта директора Шинкевича и партаппарата во главе с секретарем РК Лысенко. «Надо сказать, что с июля, или августа между районным партруководством Лысенко и директором Шинкевичем, на почве нарушения единоначалия возникает склока, принеся крайний вред заводу и поставившая головку парторганизации в нездоровые отношения с Шинкевичем. В эту склоку затягивается и часть обывательского Кыштыма, завод забывается, то есть то, что от этой склоки будет только вред, и каждый меряется только тем, за Шинкевича он или нет. ...Против Шинкевича собирается всяческий материал... » [8].

13 декабря 1933 г. ячейковой комиссией по чистке партии Механического завода принято решение «за растраживание государственных средств, зажим самокритики, пьянку, из рядов ВКП(б) – ИСКЛЮЧИТЬ, как перерожденца и обюрократившийся элемент» [9]. Районный комитет ВКП(б) на стороне Лысенко и утверждает решение. «За демонстративное игнорирование, за двурушническое отношение к выполнению решения Уралобкома о производстве дражных частей, за троцкистскую клевету на партию, Уралобком, директора ЛМЗ Шинкевича из партии исключить, предоставить данное решение на утверждение Уралобкома, просить о командировании нового директора завода» [10]. К сожалению, у документа отсутствует не только название, но и дата, тем не менее можно говорить о предположительном интервале его создания: конец декабря 1933 г.

Подобное решение означало конец хозяйственной карьеры К.С. Шинкевича. Но это еще 1934 г.и вот что опубликовано в протоколе заседания районной комиссии по чистке Кыштымской парторганизации от 4.01.1934 года – Шинкевич был восстановлен в партии. Ему вменялось при исключении три позиции: первая – банальное пьянство, вторая – увольнение иноспеца Кацке, третья – растрата средств. В протоколе оговорено, что все ошибки, кроме последней, Шинкевич признает. Поэтому районная комиссия по чистке постановляет: отменить решение ячейковой комиссии по чистке, товарища Шинкевича К.С. считать проверенным, опубликовав настоящее решение в печати. (Протокол опубликован) [11].

Сложно определить основную причину такого решения. Скорее всего, целый ряд событий не позволил свершиться несправедливости. К нему можно отнести и передачу района в ведение Челябинской области, признание секретаря РК Лысенко «белогвардейским прихвостнем» и отстранение от должности, активное корпоративное заступничество треста и то, что до 1937 г. еще оставалось время.

28 июля 1934 г. на 3-м пленуме РК ВКП(б) Шинкевича освобождают от работы членом пленума РК в связи с выбытием на учебу [12]. Дата выбытия на занятия в У.К. Промакадемию документально точно не определена, но в заседания РК партии фамилия Шинкевич фигурирует до 1935 года. На завод Калистрат Самуилович Шинкевич больше не вернулся. Казалось бы в истории можно поставить точку, однако 16 июля 1937 г. в райком парии приходит письмо из У-К. Промакадемии, в котором секретарь парткома Зирко, требует выслать материалы о троцкистской вылазке Шинкевича против партии в связи со злосчастными дражными деталями, и троцкистскими высказываниями. Академии требуется фактический материал, для того чтобы можно было проследить за деятельностью Шинкевича с соответствующими политическим выводами. Данные требуются немедленно, так как Шинкевич заканчивает учебу в академии и вопрос о его партийности следует решить незамедлительно [13]. Так неосторожно брошенная в производственном споре фраза догнала хорошего

хозяйственника в наиболее сложный период жизни страны. На заседании парткома У-К Промакадемии от 1 сентября 1937 г. Шинкевич Калистрат Самуилович вновь исключен из рядов ВКП(б). Ему вменяется в вину троцкистская деятельность, те же дражные детали и нечто новое – у него оказываются родственники за границей и кроме всего прочего его сын в школе рисовал фашистский значок. [14] Секретарь парткома У-К Промакадемии информирует Кыштымский РК ВКП(б) 20 января 1938 года о исключении Шинкевича из партии и его аресте.

Такие случаи не могли происходить массово. Партийный аппарат ВКП(б) имел рычаги воздействия на хозяйственников всех уровней и подобного обычно не допускал. Но в череде гигантских строек, коренной модернизации всей страны, некоторые вопросы выпадали из поля зрения, и случались подобные инциденты.

Сергей Викторович МОРОЗКОВ, аспирант Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Список используемой литературы:

1. Зуйков, В.Н. Создание тяжелой индустрии на Урале. (1926 – 1932гг.). В.Н. Зуйков М., «Мысль», 1971. 301с.
2. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. – М., 1930. 3-е изд. Т.3. С.180.
3. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917 – 1967гг.). М.,1967.Т.2. С.202.
4. Щербаков, Г.П. Молодость старого завода / Г.П. Щербаков - Челябинск : Металл, 1992. – 152с.
5. ОГАЧО Ф. 288 Оп.71 Д.88.
6. ОГАЧО Ф.211 Оп.1 Д.524 Л.23-25.
7. ОГАЧО Ф.211 Оп.1 Д.518 Л.48.
8. ОГАЧО Ф.211 Оп.1 Д. 618.
9. ОГАЧО Ф.211 Оп.1 Д.888 Л.127.
10. ОГАЧО Ф.211 Оп.1 Д.518 Л.2.
11. ОГАЧО Ф.211 Оп.1 Д.518 Л.48.
12. ОГАЧО Ф.211 Оп. 1 Д.582 Л.165.

13.ОГАЧО Ф.211 Оп.1 Д.755 Л.45.

14.ОГАЧО Ф.211 Оп.1 Д.807 Л.9.

Morozkov S.V.

The conflict of the party and economic organs as a factor of personnel policy in the USSR in the early 30th of the XX century.

Annotation : the Article contains analysis of materials of the Chelyabinsk region United state archive the (CRUSA) which make up the source of database for the study of personnel policy in the 1930 – 1940. As an example, the situation in Kyshtym machine-building plant was considered.

Key words: personnel policy, industrialization, regional Committee of the CPSU(b), the principle of unity of the command.

Журнал «Мир Евразии». 2017. №4

Научный журнал. - Горно-Алтайск : ИП "Высоцкая Г.Г.", 2008 - . - ISSN 2308-0396. -

Выходит ежеквартально

Шифр: М587579